

КРАСНЫЙ ТЕРРОР:

**из истории
политических
репрессий
в Казахстане**



Алматы
“Алаш” баспасы”
2013

УДК 94(574)
ББК 63.3-4
К 78

*Выпущено по программе
«Издание социально-важных видов литературы»
Комитета информации и архивов
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан*

К 78 Красный террор: из истории политических репрессий в Казахстане (Сборник документальных материалов 20-50-х годов XX века) / Сост.: М.К.Койгелдиев, В.И.Полулях, Ш.Б.Тлеубаев. – Алматы: «Алаш» баспасы», 2013. – 384 с.

ISBN 978-601-7338-09-1

В книге представлены подлинные документальные материалы, выявленные в архивных фондах Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан. Они дают возможность читателям понять абсурдный, бессмысленный характер политических репрессий этих лет.

**УДК 94(574)
ББК 63.3-4**

ISBN 978-601-7338-09-1

© Койгелдиев М.К., Полулях В.И.,
Тлеубаев Ш.Б. 2013
© «Алаш» баспасы», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

История массовых политических репрессий 30-х годов XX века в Казахстане является малоизученной научной проблемой. Трудно говорить о фундаментальных научных исследованиях по данной теме, а издание документальных сборников осуществлялось в основном на базе материалов Архива Президента РК (бывшего архива ЦК КП Казахстана)¹.

Неразработанность проблемы во многом была связана, конечно, недоступностью фактического материала. Однако это не единственная причина. Достаточное упорство не проявлялось со стороны историков-исследователей, как это наблюдается, например, в соседней Российской Федерации.

Ассоциация историков Казахстана совместно с Архивом Департамента Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан по городу Алматы подготовили книгу, посвященную 75-летию массовых политических репрессий 1937-1938 гг. в Казахстане.

Материалы, представленные в книге ограничиваются автобиографией и заявлением арестованных лиц на имя руководителей партии и советского государства. Такой подход к подбору документов не случаен. Составители сборника при этом исходили из соображений, что именно эта категория исторических источников дают возможность читателям понять не только абсурдный, бессмысленный характер политических репрессий этих лет, но и ее преступную сущность.

¹ Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг. Сб. док. - Алматы, «Казахстан», 1998. 336 с. Сост. И.Н. Бухонова, Е.М. Грибанова (ответственные), Р.К. Кангужиева, Г.А. Карпыкова, Е.В. Чиликова; Страницы трагических судеб. Сб. воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920-1950-е гг. и др.

Автобиографии и заявления людей, которые по своему социальному положению принадлежат к различным слоям общества (рабочие, служащие, ученые, священнослужители и др.), в совокупности показывают как масштабы репрессий, так и незащищенность людей перед бесчеловечной машиной подавления, именуемой государством диктатуры пролетариата. Ценность представленных в сборнике документов заключается также в том, что они написаны гражданами страны несправедливо осужденными, а также непосредственно испытывавшими на себе все ужасы следственных органов ОГПУ-НКВД. К тому же многие из них были уверены в том, что все происходящее с ними это какая-то ошибка о которой не знают руководители партии и советского государства, следовательно необходимо обратиться с заявлениями к ним. Так, например, партийный работник Артыкбаев Чакпак в своем заявлении на имя Министра внутренних дел СССР Л.П. Берии отмечает, что «санкция на арест меня была получена путем обмана Правительства со стороны Наркома внутренних дел КазССР Реденса, и других преступных авантюристов, орудовавших тогда в НКВД КазССР, в полном попустительстве руководителей партийных и советских органов республики». На самом деле репрессивные меры органами НКВД осуществлялись не только с согласия ЦК партии, а под ее непосредственным руководством. Именно в осуществлении политических репрессий произошло слияние деятельности партийных и силовых (в первую очередь НКВД) органов.

В числе репрессированных партийных и советских органов были и личности чрезвычайно смелые и гордые, которые не только правильно понимали суть всего происходящего, но и открыто и смело высказывались по этому поводу. Одним из таких являлся Идрис Мустамбаев, непримиримый оппонент Ф.Голощекина и тоталитарного режима в Казахстане. Так, например, он следователю заявил: «Я все время думал, что ГПУ-НКВД в своей работе сильно перегибают, и что у них полный произвол, однако теперь убедился, что все это вы делаете.....по заданию ЦК партии. Вот так действуя вы каждый год сажаете в тюрьмы десятки тысяч людей. Сейчас заполнили всю тайгу молодыми интеллигентными людьми, многие из которых никогда не знали политической борьбы, а их обви-

няют в измене родине, в попытке свержения советской власти. Я знаю, что все это зря и можно было обойтись без такой репрессии». И. Мустамбаев был приговорен к высшей мере наказания. Томимый в тюремных застенках с 1933 года до расстрела в 1937 году, лишившись самых близких ему людей, он тем не менее остался не сломленным, отказался признать какие-либо ложные обвинения в свой адрес.

В книге представлены материалы, связанные с делом политически ссыльных в Казахстан. Читатель, ознакомившись с автобиографиями И.Н. Бороздина, П.И. Мищенко, А.Б. Никольской и Д. Урбановича, может легко убедиться в том, что они также являлись жертвами режима. «Я прошу не о помиловании – пишет И.Бороздин в своем заявлении на имя руководителя советского правительства, – не об амнистии. Они ко мне не применимы, так как я не виновен. Я прошу Вас, главу советского правительства лишь о справедливости, за каждое свое действие, за каждое свое слово я готов ответить со всей строгостью закона». Разумеется, все эти просьбы остались неуслышанными советским руководством.

Все эти документы, выявленные в фондах Архива Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан публикуются с сохранением орфографии и стилистики. Предоставляя их на суд читателей составители сборника преследуют лишь одну общую задачу: удовлетворить вполне естественные потребности общества в документальной правде о переломном нашем народом в 20-50-е годы XX века.

С.М. Аносов
М.К. Койгелдиев
Б.Б. Абдыгалиев

АДАЕВ ИМАНГАЛИ



Справка: – арестован 26 января 1938 года УНКВД по Западно-Казахстанской области. Решением тройки УНКВД от 14 февраля 1938 года он был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 16 февраля 1938 года.

Постановлением Президиума Гурьевского областного суда от 7 августа 1962 года решение тройки УНКВД по Западно-Казахстанской области от 14 февраля 1938 года по делу Адаева Имангали было отменено за отсутствием состава преступления. Он реабилитирован.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1901 году в местности Карабау Кызыл-Кугинского района Западно-Казахстанской области в семье крестьянина-середняка Адая. Отец занимался скотоводством. До Октябрьской революции имел верблюдов, лошадей, коров и баранов, но в каком количестве не помню. Начальное образование получил в казахском ауле, учил нас мулла. После революции поступил на учебу в Оренбургский казахский институт. После окончания института работал в должности директора школы в Гурьеве, на Доссоре, заведующим районного отдела образования в Мангистауском районе, а затем директором детского дома и городского интерната.

Решением Гурьевского окружного комитета от 14 ноября 1933 года я был откомандирован в Мангистауский район на должность заведующего районного отдела образования. В 1934 году Мангистауский районный комитет партии своим решением назначил меня директором дет-

ского дома и городского интерната, где я работал до июня 1936 года.

За время своей работы я близко познакомился с бывшим секретарем райкома Хангиреевым, и с председателем райисполкома Алиевым, с заведующим районо Гумаровым. Больше всех знаком с Хангиреевым, потому что я его знаю с 1927 года. С ним я познакомился в Кызыл-Орде будучи студентом Казахского института.

В этом городе я вступил в ряды партии, поручителем моим был Хангиреев.

Через год, т.е. в 1928 году в мае месяце я окончил Казахский институт и прибыл в Гурьев, откуда окружкомом и окроно был командирован на работу в Доссор, где решением райкома был назначен на должность директора Доссорской неполной средней школы. Проработав в Доссоре до 1930 года меня Гурьевский райком партии вызвал в Гурьев, где решением своим утвердил на должность директора кооперативной школы. Здесь проработал два года, после чего в 1932 году меня перевели в советскую партийную школу, где я работал до ноября 1933 года.

В ноябре 1933 г. меня откомандировали на работу в Мангистауский район на должность заведующего районо. Через год меня перевели директором детского дома и городского интерната. На этой должности я работал до 1936 года.

В августе 1935 года в выходной день я был на квартире у бывшего секретаря Мангистауского райкома Хангиреева, только один раз, а Хангиреев у меня на квартире был два раза, это было в 1936 году. Однажды Хангиреев в позднее ночное время пришел ко мне на квартиру под видом проверки подготовки политической учебы. С ним был председатель райисполкома Алиев и кто-то еще, но я не помню. Было двенадцать или час ночи, я как гостям и старшим работникам, приготовил вина и закуски, выпили и они разошлись по домам.

Второй раз Хангиреев был у меня на квартире в июне 1936 года в день моего отъезда из Мангистауского района в Гурьев. С ним был и в этот раз председатель райисполкома Алиев. В честь моих проводов мы все трое выпили чай, после этого они ушли домой, а я ожидал при-

бытие парохода, на котором должен ехать в Гурьев. В тот же 1936 год Хангиреев из Мангистау в Гурьев приезжал в командировку. Приходил ко мне на квартиру. У меня пили чай и кушали бешбармак. В 1937 году Хангиреев из Мангистау был переведен на работу в Гурьев директором Транспортной конторы «ЭмбаНефть». Он также посещал мою квартиру.

В Мангистау Алиева квартиру не посещал. По прибытии в Гурьев он ко мне ни разу не приезжал. Вот вся моя связь с кем я имел и которые посещали меня и я их.

Себя считаю невиновным.

К сему Адаев Имангали.

*Архив ДКНБ РК по Атырауской области
Ф.б. Д.0668. Л.26-30.*

АЙМАУЫТОВ ДЖУСУПБЕК



Справка: – арестован в декабре 1928 года Полномочным Председателем ОГПУ по Казахстану. Постановлением Коллегии ОГПУ при Совете Народных Комиссаров СССР от 4 апреля 1930 года был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в 1931 году в Москве.

Постановлением Коллегии Верховного Суда Казахской ССР от 4 ноября 1988 года реабилитирован.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1929 года мая 16 дня Я, Пом. Начальника Востотдела ПП ОГПУ по КССР Саенко, допросил нижеименованного гр-на в качестве обвиняемого, который показал:

Аймаутов Джусупбек Аймаутович, 40 лет, казах Семипалатинской губ. Павлодарского уезда, Кзыл-Тавской вол., аул №1 женат, имею 3-е детей; имею среднее образование – окончил учительскую семинарию в Семипалатинске, беспартийный, был в 1920-22 г. членом ВКП(б), в других партиях не состоял; средства к существованию – личный труд; по профессии учитель, работал в ККНКА; судился по обвинению по 113 ст УК., – оправдан в 1926 году.

Показываю:

Родители мои бедняки – скотоводы, не имевшие больше 6 голов скота. В данное время их в живых нет. Жил при родителях до 16 лет. Получил сначала образование у аульного муллы, затем ушел из родительского дома и поступил в аульную школу в станице Баян-Аул б. Павлодарского уезда. По окончании 2-х классов аульной школы, я поступил в Павлодарскую нисшую с/х школу, но в середине зимы был исключен из нее в числе других казаков, высказавших недовольство против управляющей школы. После этого один год оканчивал аульную школу в Баян-Ауле, а затем через год, в течение которого я учительствовал, – поступил в русско-киргизскую школу в Павлодаре. Там проучился 4 года, живя в ... по окончании этой школы, в... поступил в Семипалатинскую учительскую семинарию. Будучи воспитанником этой семинарии, в 1918 году редактировал казахский журнал «Абай» издаваемый алашским кредитным товариществом. Инициатива издания этого журнала принадлежит семинаристам-казакам, вернее культурно-просветительному обществу «Жанар», существовавшему в Семипалатинске. В него входил учителя и учащиеся-казахи. Каким образом возникло это о-во*. Не помню. Кажется, что ...его создания принадлежит учителям – казакам, которые говорили, среди учащихся в других городах уже возникли казахские культурно-просветительские о-ва; нужно организовать такое же и в Семипалатинске. Если не ошибаюсь, организованным собранием руководил Турганбаев. Членом этого общества я состоял, но выборных должностей не занимал, если не считать того, что я был назначен редактором журнала «Абай».

Сначала этот журнал о-ва хотели издавать рукописным, но затем договорились с упомянутым выше алашским кредитным т-вом имевшим ...кредитных и культурно-просветительские цели. Оно и взяло на себя работы по изданию журнала.

Во главе т-ва стоял Арсебаев который кажется одновременно был и членом о-ва «Жаннар».

Журнал «Абай» прекратил свое существование после 12-го номера вследствие дефицитности. К тому же за ею закры-

* общество

тие стоял и редакция газеты «Сары-Арка», с которой журнал конкурировал, и Киргизский областной комитет. В газете «Сары-Арка» я сотрудничал до издания журнала «Абай», после которого (издания), я сотрудничества в «Сары-Арка» прекратил. После закрытия журнала, руководители газеты хотели использовать нас на работе в их редакции, но мы отказались. Во втором номере «Сары-Арка» я помещал свою статью под названием «Тур-букара, жинал кедей, умтыл жастар», – что в переводе означает: «Вставай демократия, собирайся беднота, вперед молодежь». Основные мысли статьи сводились к тому, что настало время, когда царское правительство пало, управителей не должно быть и власть должна перейти к демократии и бедноте.

Весной 1917 года в Семипалатинске возник Киргизский областной комитет который проводил организацию вместо волостных управителей, – волостных киргизских комитетов. Для организации волостного К-а я был послан в Тюлентавскую вол. Семипал. уезда. Других работ по поручению областного киргизского комитета я не выполнял, если считать поездку в одну местность Семипалатинского уезда, название которой я забыл. Эта поездка была в связи с земельным спором, возникшим между казаками и лесничеством, и я вместе с одним европейцем от губ. исп. к-та, ездил для обследования.

Больше я никакой связи с Киргизским комитетом не имел. Во всяком случае в его работе я никакого участия не принимал. Общество «Жаннар» при ... комитетов Алаш-Орда, поддерживало это движение, но были случаи, когда между о-вом и Алаш-ордой были разногласия. В частности, по вопросу о закрытии журнала о-вом был вынесен протест, а также о-во протестовало и по другому случаю: один мугаллим Каскеев женился на дочери одного бая ..., помимо согласия ее родителей без уплаты калыма. По этому поводу бай в гор. Алаш организовали демонстрацию протеста, арестовали мугаллима, требовали от Алаш-орда наказания. О-во «Жаннар» выступило в защиту мугаллима, сговорила на свою сторону руководителя отряда национальных частей Токтамышева, при помощи которого применением вооруженной силы Каскеев был освобожден. Когда Алаш-орда высказалась в пользу баев, ... Токтамышеву и о-ву «Жаннар» последнее подня-

ло протест против которого, устроило собрание и предъявило ультиматум Алаш-орде, в котором выставлены ряд вопросов, содержания которых я сейчас не помню. По принципиальным политическим вопросам, в частности и по вопросу о формах государственной власти. У о-ва с Алаш-ордой разногласии не было, т.к. участники о-ва сами были политически неграмотными. Лично я на ряде примеров убедился, что Алаш-орда имеет организацию казахских баев. По этому поводу, еще в журнале «Абай» я поместил статью и своем произведении «Карт-кожа» в котором подчеркивал социальную сущность Алаш-орды и разоблачив ее деятельность, направленную на защиту байства. Позднее, уже при советской власти, в 1920 году, я вместе с Турганбаевым, Ауэзовым и Чикабаевым написал разоблачение против Алаш-орды, которое было помещено в газете «Казак-тан». В Алаш-ордынском движении я не участвовал совершенно. Семинарию я окончил в 1919 году. Лето этого года я работал преподавателем на краткосрочных преподавательских курсах в гор. Алаш. После свержения Колчаковской власти в Семипалатинске поступил работать в губревком заведующим административным (киргизским) отделом и одновременно был назначен редактором газеты «Казак-тли». В это время я уже был членом ВКП(б).

В октябре м-це 1920 года, я был избран членом КазЦИКа и заместителем наркома просвещения вследствие чего и выехал в гор. Оренбург в декабре м-це. Зам Наркомпроса проработал до половины июля м-ца 1921 года. Наркомом просвещения в то время Байтурсынов который также был членом ВКП(б).

Летом 1921 года я был командирован снова в Семипалатинск, был избран членом Губкома и ЗавГубОНО. С этой должности назначен был редактором газеты «Казак тли» одновременно с работой по этой должности, я учительствовал. Во время моей командировки по продналогу, была перерегистрация членов партии, и я был механически исключен из ВКП(б). Вообще нужно сказать, что вступая в партию я не доучел того, что существующая в ... дисциплина будет меня тяготить, ... я по натуре писатель и ... все время занятая литературным трудом, тогда, как меня назначили все время на разные административные должности, не дававшие воз-

возможности заниматься по призванию. Поэтому исключения меня из партии, я вопроса о восстановлении не возбуждал.

Зимой 1921 года в квартире Исакова и Сарсенова по чьей инициативе не помню, собрались казакские работники гор. Семипалатинска партийные и беспартийные, в том числе деятели Алаш-орды. Из последних, присутствовали Дулатов, Габбасов, Турганбаев, других не помню.

Из партийцев были Исаков Гарифулла, Орумбаев, Таттибаев и др. Присутствовал я причем председательствовал на этом собрании. Обсуждая вопрос о вступлении казакских работников в члены ВКП(б). Кем был поднят этот вопрос не помню. Алаш-ординцы в частности Дулатов высказаны за то, что для обеспечения возможности работать на ответственных должностях, казакским работникам необходимо вступать в партию. Молодежь высказывал за то, что нужно предоставить каждому право вступать в партию по убеждению.

Было ли мнение о том, чтобы послан ряд казахских работников в партию, в порядке разверстки, – не помню, а также не помню составлялся ли список таких лиц. Насколько я помню ни к какому определенному решению не пришли и разговоры остались без последствии. Вообще мне постановка этого вопроса показалось странной, т.к. на подобных же совещаниях обсуждались главным образом вопросы о назначении тех, или иных казакских работников на ту, или иную должность, по требованию учреждения, запрашивавших Кирсовещания при Губревкоме. Совещание происходить преимущественно на квартире у Исакова и Сарсенова. Может быть были на квартирах других работников точно не помню.

Были ли совещания, посвященные вопроса о вступлении в ВКП(б) не знаю.

(подпись)

Аймаутов

Допросил

Саенко.

*Архив ДКНБРКпо г. Алматы.
Ф.б. Д.011494. Т.2. Л.115-118.*

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДОПРОС **Аймаутова Джусупбека**

21/У-29 г.

В Ташкент я переехал для работы в конце 1924 г. До этого я в Ташкенте не бывал ни разу. Переехал я туда по приглашению казахского Инпроса, в качестве преподавателя. Из моих знакомых в гор. Ташкенте был один Искаков Даниял, происходящий из Семипалатинска. Других казахских работников я не знал совершенно. Познакомился я там со следующими лицами: Байтасовым Абдуллой, Кеменгеровым, Галымжановым, Досмухамедовым Халилем и др.

Одновременно с работой в Инпросе, я сотрудничал в газете «Ак-жол». В других газетах и журналах, за исключением «Жас-казах» издававшемся в Оренбурге и журнала «Пионер», издававшемся там же, я не сотрудничал. В заграничную прессу я никогда своих корреспонденций не посылал. Возможно, что Заграничные издания и перепечатывали ли мои статьи и фельетоны из газеты «Ак-жол», где мне приходилось писать под псевдонимом «Жик», «Танашпай». Других псевдонимов у меня не было. В большинстве я писал под своей фамилией. Были ли у газеты «Ак-жол» заграничные подписчики, я не знаю, т. к. с этим вопросом сталкиваться не приходилось. Я заведовал литературным отделом и редактировал целиком приложение к газете «Ак-жол» – журнал «Сауле». О том, что газета «Ак-жол» является националистической, я осознал позднее. В периоде же своей работы в этой газете, я считал что это либеральный орган, в котором можно писать более свободно. В условиях Туркестана, издание газеты с таким политическим направлением я считал возможным. До периода моей работы в «Ак-жол», когда там сотрудничал Джумабаев, газета была еще более националистической, периоде же моей работы я считал газету более выдержанной².

По вопросу о путях развития казахской литературы, в конце 1924 года я писал в газете «Ак-жол» статью под заглавием «Ан-

² Мое добавление: «в периоде же моей работы я считал газету более выдержанной». Аймауытов

кета о литературе». В этой анкете я ставил вопрос о направлении литературы. Давал ли я ответы на эти вопросы я не помню.

Вообще-же моя точка зрения в вопросе о путях развития казакской литературы с точкой зрения Джумабаева расходятся. Это я имел случай высказать Джумабаеву по поводу его литературной платформы «Алка». Об истории этой платформы мне известно следующее:

В начале 1925 года я ездил из г. Ташкент в Оренбург на каникулы. Там я встретился с неким Сарсенбиным, с которым познакомил меня Алдунгаров, бывший в то время редактором журнала «Жас казак». Сарсенбин в то время был студентом одного из Московских ВУЗов и приехал в Оренбург на каникулы. Он член партии, родом из Кустаная.

Встретился я с ним в редакции «Жас казах» и он мне сообщил что у него есть литературная платформа Московских студентов казаков и что он хочет ее показать мне. Мы договорились встретиться в квартире Алдунгарова, решив пригласить Сегизбаева и еще некоторых молодых сотрудников газет и журналов. В условленное время, в квартире Алдунгарова собрались: Я, Алдунгаров, Сарсембин и др., фамилии коих я забыл. Сарсембин зачитал платформу и сообщив, что он читал ее другим литераторам, в частности и Байтурсунову. Что ему ответил эти литераторы я не знаю. После зачитания платформы, Сарсембин спросил разделяем ли мы платформу и будут-ли с нашей стороны поправки, или изменения. Затем добавили, что если эта платформа будет приемлема, то мы должны будем создать литературный кружок по аналогии с кружками писателей-европейцев. Несколько пунктов платформы я сразу же взял на заметку, т. к. с ними был не согласен. Тут-же со слов Сарсембина, я узнал, что платформу составил в Москве Джумабаев вместе с другими молодыми литераторами, к числу которых Сарсембин причислял и себя. Разговоров о том, что в других городах тоже должны создаваться кружки «Алка» не помню. Были разговоры о том, чтобы опубликовать платформу. В какой плоскости ставился этот вопрос я не помню. Был ли разговор о том, чтобы использовать для этой цели Садвакасова Смагула, – не помню.

Лично я, после этого, по тем заметкам, которые я сделал о платформе, написал письмо Джумабаеву, в котором изло-

жил о том, что с некоторыми пунктами платформы я не согласен.

Какова эти пункты, точно сейчас не помню.

Я получил от Джумабаева ответ в котором он утверждал правильность тех пунктов с которыми я согласен не был. В результате переписки мы ни к какому общему соглашению не пришли.

Когда я возвращался после каникул в гор. Ташкент, то там узнал, что платформу Джумабаева получили Байтасов и Кеменгеров.

Для разборки этой платформы также собрались на квартире у Кеменгерова: Я, Байтасов, Кеменгеров, остальных не помню. Решили написать каждый от себя свое мнение Джумабаеву. Подписывал ли я платформу – не помню. Относительно создания кружка не говорили. Джумабаев писал неоднократно что для обсуждения организационного вопроса нужно лицам, разделяющим платформу съезжаться причем возможные пункты, куда нужно было съезжаться, указывал на Ташкент, Петербург или Москву.

Я выступил со статьей «Литературная анкета», но это выступление обсуждением платформы не связано. Я даже не знаю было-ли это до указанного совещания, или после его.

Выступление мое со статьей было было обусловлено тем, что литературные вопросы поднимались в печати и раньше.

Зачеркнул «После совещания в квартире Кеменгерова» т. к. этого я не говорил.

В итоге с Джумабаевской платформойсоздания литературных кружков, ничего не получилось.

Больше показать ничего не могу; показание мною прочитано; записано с моих слов правильно, в чем и подписываюсь.

(подпись)

Аймауытов.

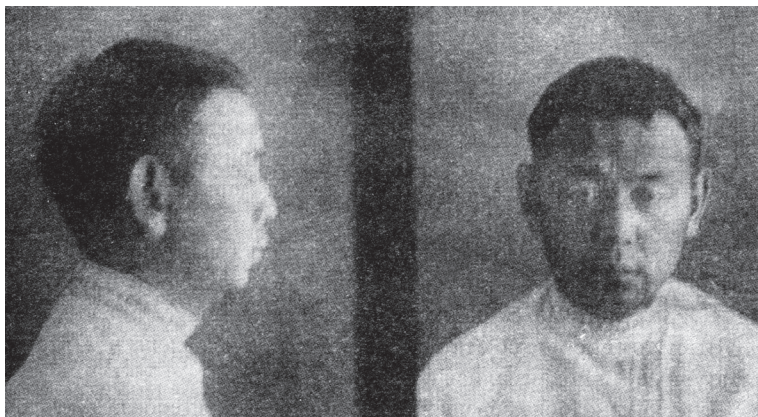
Допросил Пом.Нач. ВО

Саенко.

Архив ДКНБРКпо г. Алматы.

Ф.б. Д.011494. Т.2. Л.119-121.

АМИРОВ ХУСАИНБЕК АХМЕТОВИЧ



Справка: – 28 июня 1938 года арестован УГБ НКВД КССР. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года по ст. 58 пп. 2,7,11 УК РСФСР осужден к 8 годам заключения в ИТЛ. Срок наказания отбыл в 1946 году. Определением № 8145-С-54 Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 5 ноября 1954 года постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года отменено и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.

АВТОБИОГРАФИЯ

Хусаинбек Ахметович Амиров, член КП(б)К с 5 апреля 1920 г., партбилет № 1571282 – и.о. второго секретаря Кустанайского областного комитета КП(б) Казахстана.

Я родился в гор. Алма-Ате в 1903 году 18 января, в семье мелкого лавочника. Отец мой до 1913 года имел лавочку, торговал мелочью, затем он торговал в лавке купца Абдували Розымаметова, а затем был продавцом у лавочника Григорьева, который торговал арканами. Перед смертью отец занимался развозной мелочной торговлей.

В 1915 году окончил русско-церковно-приходскую школу, а в 1916 г. был уволен с 1 класса городской школы, в связи с восстанием казахского народа в 1916 году.

Отец мой – Ахмет Амиров умер в 1918 году, тогда мне было 15 лет. Состав нашей семьи был следующий: бабушка (Улбай), мать (Насыха), жена (Алма-Тай), брат (Турсун-Ходжа), брат (Режеб) и третий брат (Абды-Халык). Первому брату Турсун-Ходжа было 5 лет, Режебу 2 года и Абды-Халыку 1 год. Меня родители в 15 лет женили против моей воли. Вся эта семья осталась на моем иждивении.

От отца остался домишко в 2 комнаты (Транспортная 2), лошадь, телега, корова и 4 барана. Отца родственники хоронили на свои средства.

После смерти отца я арбакашничал (возничал), работал учеником у сапожника Абдрахмана, рабочим на табачной плантации Гаврилова (сезон посадки табака), рабочим шерстомойки Гани Муратова (сезон мойки шерсти).

После организации советской власти в Алма-Ате в 1918 году служил вместе с Алдаберкеном Назаровичем Даулбаевым красногвардейцем в первом Верненском полку. Затем работал истопником в монетном дворе, где печатались советские бонны (денежные знаки), здесь же печатались большевистские и эсеровские листовки, я читал почти все эти листовки. Из листовок большевиков я тогда понял, что капиталисты выкачивают прибыли путем эксплуатации рабочего класса и, что нужно кончить эксплуатацию человека-человеком, а для этого нужно рабочему классу взять власть в свои руки. А поскольку этой власти буржуазия добровольно не дает, то взять у нее насильственным образом, как это сделала Советская власть, и отстоять ее от врагов советской власти.

Это я стал понимать еще до этого, по первым действиям Советской власти, когда она ликвидировала имущество буржуазии.

Таким образом, я несколько был подготовлен для активной большевистской работы, и в 1919 году, когда работал рассыльным в Совдепе, вступил в кружок социал-демократической молодежи.

После этого работал разнощиком областной газеты «Заря Свободы», агентов жилищного отдела по реквизиции, уплотнению домов, квартир буржуазных элементов и с этой работы областным Мусульманского бюро ВКП(б) я был командирован в Ташкент на командные курсы имени Ленина,

однако, я не выдержал условий приема по состоянию здоровья и поступил в Совпартшколу Политуправления Туркестанского фронта. После, я учился на лекторских курсах Политуправления Туркестанского фронта и был ассистентом в Совпартшколе.

Членом партии принят в гор. Ташкенте на лекторских курсах в 1920 году 5 апреля, без прохождения кандидатского стажа, как член ВЛКСМ.

В Алма-Атинском уезде, в 1920 году принимал активное участие в организации батрачества и бедноты и был одним из руководителей уездного бюро батраков и бедноты.

Во время мятежа в Алма-Ате, трое суток вместе с тов. Тастамбековым (сейчас он работает уполномоченным СНК по Илийскому району) нес караульную службу в штабе тов. Фурманова, не раз встречая товарища Фурманова у его кабинета и раз в общественном клубе (ныне Казахская филармония), во время его выступления на митинге, с участием делегации мятежников. Вместе с парторганизацией ходил в крепость до этого. После мятежа ходил с Тастамбековым по одной улице, не помню какая улица, но помню, что эта улица была одной из западных улиц от дома Правительства, с двумя красноармейцами по изъятию оружия у населения.

Затем был инструктором - организатором политотдела 3-й дивизии организации драмкружка (в числе артистов играли: Тастамбеков, Мурзабековы и другие), политработником 4-го Туркестанского кавалерийского полка (после мятежа), который подавил мятеж в Алма-Ате.

В 1921 году с работы уездного Бюро батраков и бедноты Обкомом партии был переброшен и назначен постановлением Бюро Обкома партии и приказом политотдела 3-й дивизии (в то время начальником политотдела дивизии был тов. Раздобреев, который сейчас работает в Крайпартколлегии) военкомом 16-го Казахстанского кавалерийского полка и выехал на фронт в Фергану. Этому предшествовало следующее: в 1921 году на Областном съезде батраков я выступил вместе с другими товарищами против линии, проводимой ныне разоблаченными врагами народа: Сафаровым, Ходжановым, Джандосовым. Они предлагали конфискацию земли русских кулаков. Мы предлагали конфискацию и кулацких и байских

земель для того чтобы объединить русскую и казахскую бедноту против их деревенских эксплуататоров. После съезда я был назначен военкомом 16 кавполка.

Политуправлением Туркестанского фронта в пути следования на фронт был отозван, в это время я был уже помощником военкома полка и мне было предложено поехать в Ашхабад военкомом в один из туркменских национальных полков. Я просил отправить меня на Ферганский фронт, куда и был направлен в распоряжение политотдела дивизии. Политотделом дивизии я был направлен во 2-й киргизский кавалерийский полк на политработу в Узген. До моего прибытия, этот полк, за исключением политработников перебежал к басмачам, поэтому я был назначен Обкомом партии, Облревкомом совместно с военным командованием Ферганского фронта, председателем Узгенского районного ревкома и одновременно военкомом Узгенского гарнизона.

На этих работах вел прямые переговоры с главарями басмачей Юсупбек Газы, Маты Мынбаши, Джаныбек Казы и другими, в результате, в нашу сторону перешло 3000 басмачей, наши переговоры в районе, оказали большую помощь в переговорах с руководителями басмачей командованию фронта и области.

После этого я вернулся в Алма-Ату и работал зам.зав.облкомхозом, зав.экономическим отделом обкома комсомола, секретарем обкома комсомола (1922 год).

Во время последней работы, сыновья киргизских князей Шабдановы и казахских феодалов Мамановы, которые были исключены из комсомола ячейкой комсомола педагогических курсов Алма-Аты, при активном руководстве этим делом обкома комсомола, устроили демонстрацию (человек 50-60) перед зданием Обкома партии с возгласами – против обкома комсомола и против меня как секретаря обкома комсомола. Обкомом партии в лице секретаря его тов. Черного, им был дан решительный отпор.

На втором областном съезде комсомола выступала группа комсомольских работников с требованием облегчить доступ вступления в комсомол байской и интеллигентной молодежи, им съезд дал решительный отпор. Не выдержав такого большевистского отпора, который проводился под руководством

Обкома партии, один из их руководителей гимназист Адилов застрелился. Руководитель этой группы, ныне разоблаченный враг народа Уразали Джандосов. В это время я работал секретарем обкома комсомола и принял активное участие в разгроме этой группы.

В 1923 году работал зав.экономическим отделом ЦК комсомола Туркестана секретарем ЦК комсомола Туркестана.

В 1924 году работал третьим секретарем Казкрайкома комсомола. С этой работы решением Бюро Крайкома ВКП(б) был освобожден и послан в Свердловский Комуниверситет. Но однако, не удалось мне учиться в виду того, что был выбран заочно секретарем Алма-Атинского горкома партии и Крайком ВКП(б) утвердил решение Бюро Джетысуйского губкома партии об оставлении меня на этой работе.

В 1926 году работал зам. Председателя губсоюза потребобщества. Председателем работал тов. Раздобреев.

В 1927 году был выбран членом бюро и заведующим АПО Джетысуйского обкома партии и работал на этой работе примерно год.

В 1928 году работал секретарем Джаркентского укома партии.

В 1929 году инструктором Джетысуйского губкома партии. Зав. бюро жалоб Актюбинского Окружного КК-РКИ. В 1930 году - инструктором Казкрай КК ВКП(б). В 1931-1933 гг. председателем Карагандинского гор. КК ВКП(б). В 1932-1934 гг. - зам.секретаря Карагандинского горкома ВКП(б). С 11 января 1935 г. по 15 сентября 1937 г. зав. ОРПО Алма-Атинского обкома ВКП(б) и с 25 сентября 1937 года и.о. второго секретаря Кустанайского обкома КП(б)К.

Имел партийное взыскание – выговор: за участие в банкетах и самопремирование. Этот выговор решением КПК снят.

В антипартийных группировках и оппозициях не участвовал.

Два раза допустил ошибки в национальном вопросе - один раз в комсомоле по росту Союза, где настаивал на форсировании роста коренного состава комсомола, не останавливаясь перед задержкой роста европейской части молодежи, хотя и объяснялось это очень низким процентом в комсомоле в то время коренной молодежи.

Второй раз моя ошибка заключалась в организации Шала-

казакской молодежи в культурное общество «Джана турмыс» (Новый быт), которое ставило задачу через влияние на молодежь, затем на взрослых перевести шалаказаков на земледелие по примеру землеустройства евреев, либо почти поголовно шалаказаки в Алма-Ате занимались торговлей.

На мои ошибки не было нигде указано и не были предметом обсуждения в партийных органах, что и способствовало тому, что эти ошибки мною были осознаны с запозданием. Правда, после их я больше ошибок не допускал.

Отец и мать моей жены умерли в 1932 году.

Отец и мать жены Елькибай при жизни имели имущество середняцкое. Из родных и родственников никого за границей нет.

Брат – Режеб оказался врагом народа, о чем впервые стало мне известно в Кустанае. Последние годы, когда я работал в Караганде, он работал в Алма-Ате, в Крайкоме комсомола, а затем в Павлодаре секретарем райкома комсомола.

Имею недостаточную подготовку, как политическую, так и общеобразовательную, поэтому прошу послать меня на учебу.

(подпись)

(Х.Амиров)

26/XII-37 года

г. Кустанай

Архив ДКНБ РК по г. Алматы

Ф.б. д.03743. т.4. лл. 106-111.

Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину от бывшего секретаря
Кзыл-Ординского обкома КП(б)
подследственного находящегося
в Алма-Атинской городской тюрьме
Амирова Хусаинбека Ахметовича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, арестован 28 июня 1938 года. При аресте я потребовал предъявить санкции прокурора и ЦК ВКП(б). Следователь отказался предъявлять их. Следовательно их не было, я

был арестован без ведома ЦК ВКП(б), согласия прокурора. Это подтверждается тем, что протокол обвинения мне был предъявлен 13 июля, где и была подпись прокурора Корпебаева. Следствие не имея на меня кроме трех ложных косвенных показаний, пошло на незаконный путь, зная что ни ЦК ВКП(б), ни прокурор не могли бы допустить эту ошибку, которая была совершена с моим арестом.

Уже 13 июля был предъявлен мне протокол обвинения на основе ложных показаний, которые следствие вынудило меня выдумать путем репрессии, физической и моральной пытки. Я был поставлен на ночь в одном положении без одной минуты сна, без пищи. Когда я падал били. В течение этого времени меня допрашивали конвоером три следователя, которые заявили, что я сдохну в их комнате и что они заактируют, что я умер от разрыва сердца. Если не подпишу протокол, где якобы я участник националистической фашистской организации, то буду расстрелян, если подпишу, то буду оставлен в живых. Кроме этого они заявляли, что я теперь погибший человек, что они не будут заниматься выяснением, виновен я или не виновен. Этим не будет заниматься ни прокурор, который не будет согласен, ни члены суда, и то будут сидеть со мной вместе. Наконец мне было заявлено об аресте жены (домохозяйка) и брата (19 лет). Я доведен до такого состояния, что мне мерещилась жена и дети, младший сын кричит «папа», «папа».

Такими пытками тов. Сталин, меня заставили подписать, что я враг партии, членом которой являлся с 17 лет. Что страшнее этого ужаса для честного члена партии не может быть. По существу дела до сего времени полностью не имел возможности написать вам заявление, не давали клочка бумаги.

Меня никто не вербовал. Поскольку не вышло с вербовкой, так как у меня ее не было, следствие решило сделать меня группировщиком, приводя показания Нурпеисвоа, что ему Кабулов сказал, что якобы, я участник националистической организации Ходжанова. Смешно это даже ребенку, что Амиров друг Ходжанова. Я работал в комсомоле, Ходжанов со мной даже не разговаривал, а с 1924 года его не видел и раньше с ним никакой связи не имел. Наоборот мы боролись